

ФЕДЕРАТИВНЫЙ ВОПРОС» В ПОЛИТИКЕ ПАРЛАМЕНТСКИХ ПАРТИЙ ВЕЙМАРСКОЙ РЕСПУБЛИКИ

О.Г. Субботин

Ключевые слова: федерализм, унитаризм, централизация, унификация, земли, конституционная реформа, политический католицизм.

По отношению к веймарскому федерализму и перспективам его развития парламентские партии Германии можно условно разделить на три группы. Носителями идеологии «ортодоксального» федерализма являлись Баварская народная партия (далее – БНП) и Немецко-ганноверская партия (далее – НГП). На умеренных позициях в «федеративном вопросе» стояли Центр и Немецкая национальная народная партия (далее – ИННП), а приверженцами централизации Германии выступали Немецкая демократическая партия (далее – НДП), Немецкая народная партия (далее – ННП), СДПГ, КПП и НСДАП.

Баварский католицизм демонстрировал особый тип политического мышления, основанный на «особенностях национального характера» и «миссионерских» претензиях региональной элиты на роль гаранта союзных отношений в стране [18, S. 379]. До 1914 г. земля сохраняла высокую степень государственной автономии, что, впрочем, не исключало трений между Мюнхеном и Берлином на почве местного партикуляризма и скрытого неприятия прусской гегемонии. В этом плане Ноябрьская революция принципиально не повлияла на консерватизм баварского общества. «Федеративно-христианско-католическая Бавария против централистских, атеистических и марксистских Берлина и Пруссии!» и «Бавария баварцам!», – таковы были лозунги местных католиков накануне выборов 1919 г. в Национальное собрание [6, S. 71; 26, S. 303].

Специфику двусторонних отношений в 1920–1932 гг. определяли местные федералисты, олицетворением которых выступала БНП. С марта 1920 г. партия доминировала на внутривнутриполитической арене. В числе приоритетных положений ее программы (Бамбергская программа) значились: уравнивание рейхсрата в правах с рейхстагом, свобода выбора формы правления, возврат землям финансовой, транспортной и почтовой автономий, установление территориального принципа организации рейхсвера, передача вопросов школы в исключительное ведение «союзных государств» и т. д. [29, S. 63]. Демократическая пресса сравнивала «баварский федерализм» с анахронизмом, тянувшим страну в добисмарковскую эпоху. И подобные

опасения лишь усиливались по мере политической радикализации баварского общества.

В ходе предвыборных кампаний в рейхстаг БНП использовала антиберлинскую риторику, выставляя себя единственной «защитницей тысячелетней государственности баварской родины» и «самобытной немецкой культуры», требовала ревизии Веймарской конституции (далее – ВК) в федеративном духе и объединения с «кровными братьями из Южного Тироля и Австрии» [7, S. 19, 32]. Даже такой традиционный враг католиков как марксизм, отмечает историк Д. Лау, померк на фоне слова «Берлин», ассоциируемого непосредственно с централизмом [23, S. 293].

Известными протагонистами баварского политического католицизма выступали министр-президент Г. Хельда, лидер Баварского крестьянского союза Г. Гейм, известные правоведы Г. Навиаски, К. Бейерле, К. Швенд. Социальной опорой партии являлся средний класс – буржуазия и крестьянство. Из 480 ежедневных газет Баварии БНП принадлежало 95. Для сравнения: националистам – 23, либералам – 21, СДПГ – 10 и КПГ – 2 [24, S. 83].

В начале 20-х гг. БНП вынашивала планы объединения всех федералистски мыслящих сил и движений в рамках национальной парламентской партии, ориентируясь на решения октябрьского съезда 1921 г. [21, S. 416]. С этой целью были налажены контакты с федералистами Гессена, Ганновера, Рейнланда и Шлезвиг-Гольштейна. Тем не менее добиться существенного прогресса в данном вопросе не удалось. Политическая программа БНП оставалась регионально ограниченной вплоть до ликвидации Веймарской республики.

Драматический характер носили конфликты Баварии и рейха в 1921–1923 гг., обусловленные вольной интерпретацией руководством земли нормативной базы немецкой конституции и категорическим неприятием реализуемых на ее основе чрезвычайных декретов. Они наглядно демонстрировали различия во взглядах сторон на сущность федерализма, прикрываясь лозунгами которого местные католики, монархисты и национал-консерваторы вели бескомпромиссную борьбу с республикой и парламентской демократией. Революция для них, по меткому выражению архиепископа М. фон Фаульхабера, была «клятвопреступлением и предательством, отмеченным на все времена печатью Каина», поэтому многие жители региона ассоциировали рейх с группой евреев и находившихся под их влиянием партийных функционеров, в то время как Баварию олицетворяли «истинные патриоты», защищавшие интересы нации [1, S. 289; 27, S. 85–86].

По мере углубления дискуссии о реформе государственных отношений в Германии во второй половине 1920-х гг. БНП вынуждена была реагировать на рост унитарных настроений в стране, настойчиво призывая католиков из Центра объединить усилия в борьбе за союзное будущее Германии [32, Вл. 206–207]. Формально БНП придерживалась «бамбергской линии» вплоть до 1933 г. На практике, однако, максимы партийной программы 1920 г. все чаще звучали в вольной интерпретации министерской бюрократии. Заметное влияние на теорию «баварского федерализма» оказывал принцип субсидиарности, положенный в основу католического социального учения Ватикана.

Эпоха политического католицизма в Баварии завершилась с приходом к власти А. Гитлера. Ее итог оказался неутешительным для страны. В отличие от партии Центра, БНП ставила региональные интересы выше национальных, излишне политизируя двусторонние отношения и компрометируя федерализм как форму немецкой государственности в глазах широкой общественности. Это препятствовало стабилизации немецкой государственной системы и борьбе демократических сил с политическим экстремизмом.

Наряду с БНП позиции «ортодоксального» федерализма отстаивала Немецко-ганноверская партия, или партия Вельфов, одним из лидеров которой являлся депутат рейхстага Л. Альперс. Основанная в 1869 г. в знак протеста на аннексию королевства Ганновер Пруссией, НГП добивалась реставрации династии Вельфов. После 1918 г. партия претендовала на роль ведущей региональной силы, провозгласив борьбу за независимость провинции Ганновер и переустройство Германии «на союзной основе, объединяющей немецкие земли и племена» [16]. Вельфы отрицали принуждение и централизм как методы достижения национального единства, ставя своей целью утверждение «свободного от бюрократий самоуправления регионов» [5]. Их движение опиралось на буржуазные, как правило, аполитичные слои общества. Ему симпатизировали отдельные члены НННП и ННП, но особенно популярны Вельфы были среди местных офицеров рейхсвера. На выборах 1920 г. в рейхстаг НГП в провинции Ганновер получила 303 885 голосов (21,8%), что позволило ей занять второе место после СДПГ, набравшей 409 085 [41, Вл. 94].

13 июня 1922 г. федеративные круги Ганновера в письме на имя канцлера изъявили желание выйти из состава Пруссии и объединить «родственные племена» в Брауншвейге, Шаумбург-Липпе, Липпе-Детмольде и ряде иных немецких областей в границах государства «Нижняя Саксония и Фризия», руководствуясь экономическими, историческими и культурными

мотивами [31]. Вслед за этим НГП приняла решение о проведении соответствующего референдума (статья 18 ВК), обратившись к имперскому правительству с официальным запросом. В регионе развернулась масштабная агитация, сопровождавшая предвыборную кампанию 1924 г. в рейхстаг. Партия заявила о «банкротстве великопрусского централизма», требуя сильной власти, основанной «на добровольной организации жизнестойких племенных государств» [23, S. 294]. Правительство Пруссии не осталось в долгу, выделив внушительную сумму на контрпропаганду. Ведущие партии ландтага встали на защиту единства «Северогерманского союза». Неприкрытое давление из Берлина оказывалось на местных и федеральных чиновников. В итоге состоявшийся 18 мая 1924 г. референдум не только не принес желаемых результатов сторонникам автономии, но и стал причиной внутрипартийного раскола. Вельфы-протестанты присоединились к НСДАП, а католики к Центру.

К лагерю умеренного, или «оборонительного», федерализма, отстаивавшего конституционные права земель, принадлежала партия Центра. Вотчиной немецких католиков традиционно являлись западногерманские и южногерманские территории, а также некоторые области Восточной Пруссии. И все же подавляющее влияние на политику партии оказывали выходцы из рейнско-вестфальского региона, на долю которых приходилось 28–36% депутатов-католиков рейхстага и 28–40% депутатов-католиков прусского ландтага [28, S. 89]. 2/3 избирателей Центра проживали в провинциях Рейнланд и Вестфалия. Отсюда были родом все руководители партии (с 1920 г.). Здесь же интересы политического католицизма обслуживали десятки печатных изданий, наибольшую известность среди которых получила «Кёльнише фольксцайтунг».

Центр отвергал баварский радикализм, а также борьбу за абстрактную федерализацию страны и «схематичное» единое государство по соображениям культурно-исторического и технико-управленческого характера [38, S. 47]. Непреложной истинной для него было покоящееся на «культурном сообществе» и соединенное судьбой германских племен единство. Впрочем, это не мешало партийцам критиковать «теорию идентичности» Пруссии и рейха. В директивах Центра от 1922 г. содержалось требование «предоставить прусским провинциям широкие возможности в законодательной и административной сферах» и учитывать «естественные потребности земель» [13, S. 142].

Католики отрицали любые формы прусской гегемонии, настаивая на стабилизации действующей структуры властных отношений с учетом мнения своих сторонников на юге страны. 8 марта 1928 г. Центр утвердил

«Директивы имперской реформы», подготовленные комиссией объединенных фракций рейхстага и прусского ландтага, а также партийных отделений Гессена, Бадена и Вюртемберга. В них предлагалось расширить функции органов федерального правительства, четче разграничить сферы ответственности, ликвидировать анклавов, объединить карликовые земли, провести административные реформы [35, S. 132]. Таким образом, партия отстаивала модель «союза», покоящуюся на принципах сильной власти рейха при широкой децентрализации и дебюрократизации органов земельного управления.

Будучи неизменным участником правительственных коалиций, Центр выполнял функцию своеобразного «шарнира» между унитариями (СДПГ, НДП, ННП) и федералистами (БНП, НННП). Это объективно сужало его возможности в деле осуществления структурных реформ. Территориальный раздел Пруссии, идею которого лоббировали рейнские провинции, грозил Центру потерей статуса общенациональной политической силы и дезорганизацией всего католического движения в стране. Несмотря на это, позиции «федералистского крыла» в партии неизменно укреплялись. В конце 1920-х гг. начался процесс ее поступательного сближения с БНП, замороженный вследствие финансовой реформы М. Эрцбергера в 1919–1920 гг. В 1932 г. партия прикладывала энергичные усилия по стабилизации конституционного строя. Созданный в ее недрах комитет в составе экс-министра юстиции Г. Белля (председатель), обер-бургомистра Кельна К. Аденауэра, профессоров Э. Нойвима и А. Лаушера разработал экстренную программу действий [8, S. 106–108]. Она предусматривала проведение территориальной реформы с учетом племенных, культурно-исторических и экономических особенностей регионов, «разумное» распределения полномочий и предоставление землям гарантий неприкосновенности. Рейхсрат наделялся правом одобрения законов рейха, а функции президента «уточнялись» [34]. Главным отличием программы 1932 г. был ее ярко выраженный «федеративный подтекст», обусловленный утратой Центром статуса правящей партии и, следовательно, отсутствием необходимости действовать с оглядкой на коалиционных партнеров.

К силам умеренного федерализма в Германии принадлежала также НННП. Партия отвергала любые изменения юридического статуса Пруссии и ущемление ее конституционных полномочий [13, S. 121]. Как противник «унитарного единства», основанного на сообществе имперских земель или провинций, НННП добивалась укрепления позиций органов центральной исполнительной власти, расширения численного состава рейхсрата и повышения его правового статуса. В сущности, речь шла о возврате к модели

раннегерманского парламентаризма, когда верхняя палата выступала в роли органа земельно-федеративного и промышленно-сословного представительства. В круг очерченных ННП задач входило также ограничение парламентского абсолютизма, преодоление скрытого прусско-германского двоевластия посредством персонального союза рейхспрезидента и штатспрезидента, глав правительств и ключевых министров [20, S. 22–23; 38, S. 63–64]. Одновременно национал-консерваторы отвергали тотальное слияние прусских и имперских министерств как «практически неосуществимое, финансово обременительное, ведущее к медиатизации земли» [37].

Причину несовершенства веймарской государственной системы члены ННП видели в «марксистском заболевании народного духа», защищая самостоятельность и культурную самобытность субъектов рейха [23, S. 348]. Путем вовлечения Пруссии в орбиту имперского управления (посредством министерской унии) партия намеревалась сохранить целостность ее территории и добиться деbüroкратизации Германии. Немаловажная роль отводилась «оздоровлению финансовой системы как способу поддержания жизнеспособности земель и коммун [36]. Тем самым реформа «союзных отношений» должна была, по замыслу К. фон Вестарпа, обеспечить четкое разделение полномочий при «разумном самоограничении власти все сильного рейхстага и партий» [40, S. 319]. «Аугсбургер постцайтунг» видела в этом путь к установлению «колокольного федерализма» и «пруссификации Германии», а «Байришер курьер» – «чрезвычайное решение», служившее реставрации монархического союза между Пруссией и рейхом на «основе диктатуры» [4].

В отличие от федералистов лагерь немецких унитариев был представлен более широким спектром политических сил, демонстрировавших высокую динамику и наступательный характер. К числу последовательных сторонников идеи государственной централизации принадлежала НДП. Концепция «децентрализованного единого государства» формировала основу проектов ее видных функционеров Э. Коха-Везера, В. Кюльца, Г. Хепкера-Ашоффа и др.

В 1920-е гг. немецкие демократы активно включилась в разработку проекта «имперской реформы», выступая за укрепление единства рейха, повышение его авторитета, широкую автономию земель с учетом региональных особенностей и децентрализацию Пруссии [12; 38, S. 123–125]. Проблеме федеративных отношений были посвящены дебаты на съездах в Веймаре (1924), Гамбурге (1926) и Бранденбурге (1927). НДП критиковала неэффективную работу центральных и региональных властей, добивалась

огосударствления органов юстиции. «Национальной трагедией», по мнению ее председателя Коха, стало бы упразднение Пруссии и ликвидация «средних земель» и ганзейских городов. «Пруссификацию Германии» политик также считал тупиковым вариантом, призывая решить проблему карликовых земель и анклавов с помощью статьи 18 ВК и в перспективе объединить Веймарскую и Австрийскую республики [15, S. 10–11, 13–15, 17–20].

Актуальная в среде демократов полемика испытывала сильное влияние программных установок, одобренных гамбургским съездом партии в апреле 1927 г. Системообразующими элементами немецкого государства объявлялись «централизация» и «децентрализация». Партия критиковала слабое взаимодействие органов управления, их «нездоровую конкуренцию» и парламентский абсолютизм, требовала унификации административных систем, усиления позиций федерального центра, наделения земель дополнительными источниками доходов, заключения прусско-германской министерской унии, пересмотра внутренних границ с учетом экономических интересов и культурных особенностей регионов [38, S. 55–57]. Функции правительства Пруссии НДП желала передать рейху, а ее законодательные полномочия разделить между федеральным центром и землями.

В подготовленных «Комитетом единого государства» в 1928 г. «Директивах преобразований» демократы потребовали унификации органов власти и управления, наделения земель статусом высокопотенциальных автономий, проведения масштабных территориально-политических реформ при условии сохранения внешнего облика Баварии, Вюртемберга и Саксонии [39]. НДП по-прежнему отрицала «великопрусский путь» достижения единства нации, агитируя весной 1928 г. под лозунгами «децентрализованного единого государства» и «великогерманской единой республики» [23, S. 368].

О приверженности унитаризму, основанному на принципах политико-правовой, экономической и финансовой целесообразности, было заявлено на 8-ом съезде партии, проходившем с 26 по 28 апреля 1928 г. в Гейдельберге, а также в изданном 22 августа 1930 г. манифесте. На этот раз НДП поставила своей целью ликвидацию «бессмысленных земельных границ и парламентов» и институционализацию правительственной унии Пруссии и рейха [13, S. 161]. В принципе, разработанная при участии Коха программа выглядела вполне разумной. Несмотря на это, шансы демократов на успех были ничтожно малы, учитывая расстановку политических сил в рейхстаге и настроения, царившие в руководстве немецких земель (главным образом в Пруссии и Баварии).

В отличие от НДП приоритетным направлением для Немецкой народной партии являлась национальная экономика. Громоздкую федеративную структуру Германии либерал-консерваторы называли пережитком прошлого, не отвечавшим требованиям современного хозяйства и условиям мировой конкуренции. Отстаивая интересы крупной немецкой промышленной буржуазии, ННП ратовала за свободу предпринимательства, помеху которому видела в многообразии форм правления в центре и на местах, тогда как страна нуждалась в компактном и эффективном государственном аппарате.

Впервые о приверженности идеалам «единого государства», основанного на принципах широкого самоуправления с учетом особенностей исторически, экономически и культурно сложившихся ландшафтов», было заявлено в партийной программе 1919 г., а до тех пор «пока все немецкие земли не внесут соразмерный вклад в его создание, Немецкая народная партия будет противостоять любым попыткам разрушения Пруссии» [13, S. 128]. На тот момент подобная тактика была вполне оправдана, если учесть политическую ситуацию в стране. В дальнейшем партия действовала без оглядки на земли, настоятельно рекомендуя Берлину продолжить «органическое развитие конституции в целях укрепления национального единства», осуществить структурные реформы в сфере управления, обеспечить слаженную и прозрачную работу госаппарата, ограничить власть бюрократии и упразднить недееспособные субъекты, сохранив административную автономию «лишь в землях, доказавших подобно Баварии волю к государственности» [38, S. 59].

Идею ликвидации Пруссии на стадии, когда отсутствовало подлинно единое национальное государство, лидер ННП Г. Штреземан отменил как контрпродуктивную [9]. Уже предвыборную кампанию 1924 г. партия провела под лозунгом «Единство рейха превыше всего!». «Реформу нельзя осуществить в одночасье, – писал партийный орган Баварии «Фрэнкишер курьер». – Для этого потребуются решить слишком много задач. Начать необходимо с более четкого распределения полномочий, устранения фактов дублирования в работе властных структур, унификации управления. Сюда же следует отнести ликвидацию анклавов и ограничение налогового бремени на регионы. Это первоочередные цели, но главным, пожалуй, остается сохранение культурной автономии земель» [2].

Трансформация Германии в унитарное государство являлась приоритетной задачей и для немецких социал-демократов. О приверженности унитаризму СДПГ впервые и внятно заявила в Гёрлицкой программе 1921 г. [13, S. 114]. Со временем, однако, партия была вынуждена

скорректировать свои взгляды и, учитывая слабые позиции социалистов в центре и активное противодействие политике государственной централизации в южно-германских землях, встать на «защиту» Пруссии, в целостности которой видела залог единства нации и сохранения ее демократической субстанции.

В Гейдельбергской программе (1925) партия высказалась за трансформацию Германии в «единую республику, основанную на принципах децентрализованного самоуправления», за органичное административно-территориальное деление земель и коммун, «огосударствление» органов юстиции, нормирование работы сил безопасности, создание имперской криминальной полиции, демократизацию и унификацию земельного управления [13, S. 116–117]. Наличие же в рядах СДПГ в первые годы Веймарской республики «федералистов» К. Зеверинг объяснял тонким политическим расчетом, стремлением сохранить стабильность и целостность страны в условиях внешнеполитического диктата и внутренней разобщенности [33, S. 5–6, 9].

По решению Кильского съезда (1927) в недрах СДПГ была образована «Комиссия по изучению проблемы унификации» Германии в составе 40 человек, включая О. Брауна, К. Зеверинга и О. Вельса. Результатом ее работы стал труд под названием «Путь к единому государству», обнародованный 15 мая 1929 г. Согласно его содержанию, рейх подлежал разделу на 12–15 автономий в интересах национальной экономики и политики. Армию, финансы, юстицию, высшую школу, культуру и социальную сферу предлагалось передать в исключительную компетенцию Берлина, а руководство полицией делегировать на места [11, S. 21–34; 38, S. 161–162]. По существу речь велась о разработке комплексной программы преобразований нечрезвычайного характера, справиться с которой СДПГ вплоть до 1932 г. так и не удалось.

В отличие от социал-демократов, КПГ выступала за продолжение классовой борьбы и последовательно отстаивала централизацию системы государственного управления [38, S. 117]. «Вопрос для нее, – писал юрист К. Кёниг, – заключается не в том, будет ли государство унитарным или федеративным, а исключительно в том, капиталистическое оно или социалистическое унитарное» [22, S. 39]. Следовательно, федерацию как форму государственности коммунисты признавали целесообразной лишь в условиях многонациональных сообществ, коим являлся СССР, но никак не Германия.

Предельно четкую линию в «федеративном вопросе» занимала НСДАП. Принципы фюрерства и диктатуры предполагали отказ от союзной традиции

при опоре на «унитарно-националистическую программу» [17]. Уже в 1921 г. нацисты поставили вопрос о сильной центральной власти» (25 пункт) [10, S. 70–71]. Прообразом будущего государства им служила собственная партийная организация, способная, по словам А. Гитлера, «не только указать направление развития страны, но и предоставить ей готовый организм» [3, S. 37].

Пристальное внимание проблеме территориально-политического устройства фюрер уделил в работе «Майн кампф», один из разделов которой получил название «Федерализм как маска». Кризис системы управления страной Гитлер объяснял «заговором еврейства», ослабившего «консервативную Пруссию и осуществлявшего в союзе с южногерманцами регулярные нападки на рейх» [19, S. 622–623, 627]. После Ноябрьской революции Германия превратилась в «партийное союзное государство», которое в силу разобщенности нации оказалось неспособным создать современную правовую систему [25, S. 67, 80, 82]. На этом основании НСДАП отвергала союз «действующих по собственной воле суверенных земель» и приветствовала «объективный процесс» расширения сферы имперских полномочий, «несмотря на порой комичные формы» [19, S. 633–637, 641].

Понятие «федерализм» НСДАП воспринимала как мысленную категорию, основанную на преувеличенной абстракции естественных событий, «бессодержательную и лишенную логики» в отличие от понятия «народное сообщество, возникшего на почве национал-социалистического мировоззрения» [25, S. 43–45, 58; 30, S. 282, 286, 291]. И поскольку в Германии могло быть только одно «сообщество» и, следовательно, одно государство, наличие обладающих конкретной субстанцией, то есть суверенитетом, земель вступало в противоречие с идеологией НСДАП и нарушало принцип фюрерства. Не случайно именно нацисты стали главными политическими оппонентами для БНП уже в ходе предвыборной кампании 1930 г. в рейхстаг.

Таким образом, парламентские партии Германии демонстрировали принципиальные различия во взглядах на веймарский федерализм. Доминирующими являлись концепции единого государства в централизованной или децентрализованной форме. С их помощью федеративная идеология противопоставлялась «прогрессивному мировоззрению» унитарных сил. Это мешало поиску политического консенсуса в немецком обществе и лишало веймарскую федеративную систему перспектив на будущее, о чем наглядно свидетельствовал период правления президиальных кабинетов.

Литература

1. Akten Kardinal Michael von Faulhabers 1917–1945 : in 2 Bd. / bearb. von L. Volk. – Mainz : Matthias-Gruenewald, 1975–1978. – Bd. 1 : 1917–1934. – 952 S.
2. Aus der Deutschen Volkspartei in Bayern, in : Fränkischer Kurier, Nr. 47 v. 10.2.1929 // Bundesarchiv (BA). – R 43 I / 2253. – Bl. 400.
3. Baum, W. Die „Reichsreform“ im Dritten Reich / W. Baum // Vierteljahreshefte für Zeitgeschichte (VZG).– Januar 1955. – H. 1. – S. 36–56.
4. Bericht der Vertretung der Reichsregierung in München an die Reichskanzlei in Berlin, vom 12. April 1929 // BA. – R 43 I / 1880. – Bl. 195–197.
5. Bericht des Reichskommissars für Überwachung der öffentlichen Ordnung, vom 12. August 1922 // BA. – R 15.07 / 67142. – Bl. 7–8.
6. Berndt, R. Preußen in der Weimarer Republik: zum staatsrechtlichen Verhältnis Preußen-Reich zwischen 1918 und 1933: Diss. / R. Berndt. – Halle, 1975. – 454 S.
7. Beyerle, K. Föderalistische Reichspolitik / K. Beyerle. – München : Pfeiffer, 1924. – 154 S.
8. Biewer, L. Reichsreformbestrebungen in der Weimarer Republik / L. Biewer. – Frankfurt a.M. : Lang, 1980. – 215 S.
9. Breslauer Tagung der Deutschen Volkspartei, in : Frankfurter Zeitung (FZ), Nr. 680 v. 25.9.1922 // BA. – ZSg. 126/192.
10. Das Programm der Nationalsozialistischen Deutschen Arbeiter-Partei vom 24. Februar 1920 // Deutsche Geschichte in Quellen und Darstellungen : in 11 Bd. / hrsg. von H. Hürten. – Stuttgart : Philipp Reclam jun., 2000. – Bd. 9. – S. 66–71.
11. David, E. Der Weg zum Einheitsstaat / E. David // Der Weg zum Einheitsstaat / hrsg. vom Vorstand der SPD. – Berlin : Vorwärts, 1929. – S. 17–34.
12. Demokratischer Wahlauf Ruf, in : Frankfurter Zeitung, Nr. 41 v. 28.1.1921 // BA. – ZSg. 126 / 185.
13. Deutsche Parteiprogramme seit 1861 / hrsg. von W. Treue. – 4. Aufl. – Göttingen [u.a.] : Musterschmidt, 1968. – 506 S.
14. Die Monarchisten in Bayern, in : Vorwärts, Nr. 469 v. 21.9.1920 // Bayerisches Hauptstaatsarchiv. – MA 1943 / 103281.
15. Die Verhandlungen des Hamburger Reichsparteitages der Deutschen Demokratischen Partei. – Berlin : Reichsgeschäftsstelle der DDP, 1927. – 56 S.
16. Eine Erklärung der Deutsch-Hannoveraner [1919] // BA. – R 43 I / 1846. – Bl. 21.
17. Föderalismus in Deutschland, in : Frankfurter Zeitung, Nr. 847 v. 26.11.1922 // BA. – R 15.07/67149.
18. Gollwitzer, H. Bayern 1918–1933 / H. Gollwitzer // Vierteljahreshefte für Zeitgeschichte. – 1955. – Heft 4. – S. 363–387.

19. Hitler, A. Mein Kampf / A. Hitler. – München : Eher, 1934. – 781 S.
20. Hugenberg, A. Die Wiederaufrichtung eines wirklichen Bundesstaates / A. Hugenberg // Streiflichter aus Vergangenheit und Gegenwart. – Berlin : Scherl, 1927. – 311 S.
21. Keßler, R. Heinrich Held als Parlamentarier. Eine Teilbiographie 1868–1924 // R. Keßler. – Berlin : Duncker & Humblot, 1971. – 532 S.
22. König, Ch. Die süddeutschen Staaten und das Problem der Reichsreform / Ch. König. – Rostock : Carl Hinstorff, 1929. – 103 S.
23. Lau, D. Wahlkämpfe der Weimarer Republik. Propaganda und Programme der politischen Parteien bei den Wahlen zum Deutschen Reichstag von 1924 bis 1930 / D. Lau. – Marburg : Tectum, 2008. – 563 S.
24. Menges, F. Reichsreform und Finanzpolitik / F. Menges. – Berlin : Duncker & Humblot, 1971. – 467 S.
25. Münzer, G. Wesen und Wirklichkeit des Weimarer Parteienbundesstaates / G. Münzer. – Königsberg [u. a.] : Escher, 1937. – 93 S.
26. Programm der Bayerischen Volkspartei vom 12.11.1918 [Auszug] // Die deutsche Revolution 1918–1919. Dokumente / hrsg. von G.A. Ritter, S. Miller. – 2. Aufl. – Hamburg : Hoffmann & Campe, 1975. – S. 302–304.
27. Rothenbücher, K. Der Streit zwischen Bayern und dem Reich um Art. 48 RV. und die Inpflichtnahme der 7. Division im Herbst 1923 / K. Rothenbücher // Archiv des öffentlichen Rechts. – 1924. – Bd. 7. – S. 71–86.
28. Ruppert, K. Der politische Katholizismus im Rheinland und in Westfalen zur Zeit der Weimarer Republik / K. Ruppert // Rheinland-Westfalen im Industriezeitalter. Beiträge zur Landesgeschichte des 19. und 20. Jahrhunderts : in 4 Bd. / hrsg. von K. Düwell u. W. Löllmann. – Wuppertal : Peter Hammer, 1984. – Bd. 3. – S. 76–97.
29. Sartorius, O. Neuordnung von Verfassung und Verwaltung in Reich und Ländern / O. Sartorius. – Hannover : Wirtschaftswiss. Ges. zum Studium Niedersachsens, 1928. – 103 S.
30. Scheuner, U. Die nationale Revolution / U. Scheuner // Archiv des öffentlichen Rechts. – 1934. – Bd. 24. – S. 261–344.
31. Schreiben der Schriftleitung der Hannoverschen Landeszeitung an den Reichskanzler, vom 13. Juni 1922 // BA. – R 43 I / 1846. – Bl. 32–34.
32. Schreiben der Vertretung der Reichsregierung in München an die Reichskanzlei in Berlin vom 25. November 1929 // BA. – R 43 I / 2256. – Bl. 208–209.
33. Severing, K. Einheitsstaat und Reichsverfassung / K. Severing // Der Weg zum Einheitsstaat. / hrsg. vom Vorstand der SPD. – Berlin : Vorwärts, 1929. – 96 S.
34. Staatspräsident Bolz in Pforzheim, in : Badischer Beobachter, Nr. 303 v. 2.11.1932 // Hauptstaatsarchiv Stuttgart. – E 130b. – Bü 1858.
35. Überblick über die im ersten Halbjahre 1928 veröffentlichten wesentlichen Vorschläge zu einer Neugestaltung des Reiches und seines Verhältnisses zu den Ländern // Reich und Länder. – 1928 / 1929. – II. Jg. – S. 129–132.

36. Unerträglicher Dualismus, in : Vorwärts, Nr. 542 v. 16.11.1927 // BA. – N 1012 (Koch-Weser). – Nr. 97. – Bl. 69.
37. Verfassungs- und Verwaltungsreform, in: Bayerische Staatszeitung, Nr. 285 v. 10.12.1927 // BA. – R 43 I / 2249. – Bl. 69.
38. Vorschläge zur Reichsreform. Akten des Reichssparkommissars // BA. – R 43 I / 1877. – 213 S.
39. Wege zur Reichsreform, in: Vossische Zeitung, Nr. 200 v. 28.4.1929 // BA. – R 43 I / 1880. – Bl. 303.
40. Westarp, K.G. v. Das Versagen der Republik. / K.G. von Westarp // Quellen zum politischen Denken der Deutschen im 19. und 20. Jahrhundert : in 11 Bd. / hrsg. von K.-E. Lönne. – Darmstadt : Wiss. Buchges. 2002. – Bd. 8. – S. 316–321.
41. Zur Frage der Abstimmung in Hannover. Anlage zum Schreiben des Reichsministers des Innern, vom 28.1.1924 // BA. – R 43 I / 1846. – Bl. 92–94.

Источник: Субботин, О.Г. «Федеративный вопрос» в политике парламентских партий Веймарской республики / О.Г. Субботин // Актуальные вопросы образования и науки. – 2013. – № 3–4 (37–38). – С. 60–69.

РЕПОЗИТОРИЙ ВГПУ